

0.92

СЕСТРИЦА ГАЛЯ.

I.

СЕСТРИЦА ГАЛЯ.

II.

УКРАЛА.

III.

ГРИЦКО.

ТРИ РАЗСКАЗА

Б. Гринченко.

ПЕРЕВОДЪ СЪ УКРАИНСКАГО.

№ 228.

МОСКВА.

Типогр. Выс. утв. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., свой д.
1896.

I
СЕСТРЬИЦА ТАДЯ.

II
УКРАДА.

III
Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 18 сентября 1895 г.

THE PUBLISHER
R. D. M. M. M. M. M.
DEPARTMENT OF REFINANCE

№ 228

МОСКВА.
Ташковъ. Вмст. Удѣл. Н. Д. Сидякинъ. Издатель. Удѣл. Свой. Л.
1895

I.

СЕСТРИЦА ГАЛЯ.

Старый Иванъ Лаврусъ смахнулъ надоѣдливую слезу, которая пробѣжала по его лицу и повисла на длинныхъ сѣдыхъ усахъ. Онъ смахнулъ слезу сердито, потому что развѣ годится плакать старому человѣку, которому завернуло уже на пятый десятокъ. Что за глупости! Гдѣ трубка?

И онъ началъ снова раскуривать свою трубку, которую зажигалъ уже три раза, и три раза она гасла. Но и на этотъ разъ недолго торчала она въ зубахъ у Ивана. Снова черныя думы облегли сѣдую его голову, и голова его поникла надъ столомъ. А забытая снова трубка лежала теперь уже подъ ногами, и Иванъ не видалъ ея; онъ не видалъ теперь ничего во всей хатѣ, точно какой-то туманъ застлалъ ему глаза и не давалъ ничего видѣть. Вотъ онъ все растеть и растеть—этотъ туманъ, вотъ ужъ онъ совсѣмъ затянулъ ему глаза, и что-то горячее пробѣжало по щекѣ и снова повисло на сѣдыхъ усахъ. Да, пятый десятокъ доживаетъ онъ; немало годовъ прожилъ, а никогда онъ

не плакалъ, развѣ тогда, когда еще былъ малымъ мальченкомъ, а теперь пришлось вотъ заплакать!

Но не съ пустяковъ плачетъ старикъ: его подружки, жены его, съ которой онъ почти тридцать лѣтъ прожилъ, прожилъ какъ рыба съ водою, — нѣтъ ея теперь; она лежитъ мертвая въ холодной ямѣ. Что станетъ онъ дѣлать теперь на свѣтѣ одинъ-одинешенекъ, да еще съ тремя малыми дѣтьми?

Не далъ же Господь ему счастья: старшія дѣти — одни поумирали, другія въ солдаты пошли; остались дома только малыши, — старшей дѣвочкѣ, Галѣ, двѣнадцатый лишь годочекъ подошелъ. Вонъ они сидятъ всѣ тамъ тихо, спокойно; только у Гали видны еще на личикѣ слезы, — должно-быть, и она вчера, какъ схоронили мать, плакала до полночи...

И снова что-то горячее капъ-капъ по его щекѣ. Но онъ уже и не чувствуетъ этого. „Двадцать-шесть годовъ съ тобою, Настя, мы прожили, а теперь пришлось разлучиться...“

И старику представлялось все, что когда-то давнымъ-давно было. Легко какъ-то вспоминаются молодые годы! А теперь — что сегодня сдѣлаешь, завтра ужъ забудешь. А тѣ далекіе годы не забываются...

Вотъ не забылъ же онъ, какъ они съ Настей сидѣли вдвоемъ подъ вербами; какъ на улицѣ встрѣчались, когда были женихомъ и невѣстой:

— Выйдешь сегодня, сердце мое?

— Жди у колодца!

И онъ ждалъ... Хорошо тогда было... А тамъ и свадьба... И веселье же тогда было у нихъ!

А какъ дѣти у нихъ пошли, — Господи, какъ они рады имъ были! Такъ нѣтъ же: трое малыши умерли; дочка замужняя была — тоже въ землю улеглась. А сынъ, гдѣ онъ теперь? Можетъ, уже турки убили его, и жадныя вороны растащили его косточки.

И вотъ, Богъ вѣсть съ чего, еще сильнѣе защемило у Ивана сердце, еще что-то вспомнилось. Господи! и за что, зачѣмъ только онъ сдѣлалъ тогда это! Онъ никогда не билъ жены, никогда... Только разъ это было: пришелъ онъ изъ кабака, — весь сходъ тогда въ кабакъ собрался, и онъ былъ... И за что онъ ударилъ ее? Не вспомнишь теперь... Одно только помнить, что ударилъ ее наотмашь кулакомъ. Хотѣлъ по головѣ ударить, да пьяный былъ, — промахнулся и ударилъ въ грудь. А она и не заплакала!.. Она сроду въ первый разъ отъ него побой приняла: какъ стояла, такъ и упала она на полъ, молчить, только за грудь схватилась и на него такъ глядитъ... Какъ она тогда глядѣла!.. Онъ и теперь, кажется, видитъ этотъ взглядъ. Ахъ, зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ!..

— Мама! — крикнулъ спросонья маленькій мальчуганъ, спавшій на полу. — Мама!

И мальчикъ раскрылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ себя и, еще наполовину сонный, поднялся и сѣлъ на полу.

— Мама! Гдѣ мама? — допытывался онъ.

Затѣмъ мальчикъ замолкъ на минутку, а потомъ, должно-быть, ему вдругъ вспомнились вчерашнія похороны, и онъ снова крикнулъ:

— Мама! Я хочу мамы! — и залился слезами.

Двѣ дѣвочки, старшая — Галя, и меньшая — Одарка, тоже попросыпались отъ его плача и повставали. Одарка тоже начала вмѣстѣ съ братомъ звать маму и плакать.

Плачь этотъ разогналъ Ивановы думы. Онъ подошелъ къ плачущимъ дѣтямъ.

— Не плачьте, дѣтки, перестаньте, — сказалъ онъ, лаская ихъ.

— Я маму хочу! — не замолкалъ маленькій Василько.

— Маму! — всхлипывала, протирая руками глаза, Одарка.

— Мамы нѣтъ, дѣтки... — тихо сказалъ отецъ. — Мамы нѣтъ: она пошла къ теткѣ Марусѣ. Подождите, вотъ она скоро вернется.

— Нѣтъ, нѣтъ! — голосилъ мальчикъ. — Ты, тятя, не то говоришь: мама не пошла, мамочку въ яму вчера зарыли! О, зачѣмъ въ яму! Я не хочу такъ, тамъ мамѣ холодно!

И ребенокъ залился вновь горючими слезами. Только Галя, сидѣвшая въ уголку, хотя и плакала, только тихо, стараясь сдерживать слезы, которыя такъ и сыпались изъ ея карихъ глазокъ и текли по бѣленькому худенькому личику. Наконецъ, какъ будто перемогши себя, она утерла слезы и сидѣла не шевелясь; только ея маленькое тѣльце время отъ времени вздрагивало — то отъ тяжкаго горя, то отъ холода, который стоялъ въ нетопленной хатѣ.

А Василько съ Одаркой все плакали, во весь

голосъ зова мать. Это тянулось съ полчаса, и Иванъ не зналъ, что ему съ ними дѣлать.

Тогда вдругъ Галя встала, еще разъ утерла послѣдніе слѣды слезъ и пересѣла къ дѣтямъ. Она обвила ихъ шею своими тоненькими ручками, притянула ихъ обоихъ къ себѣ и начала развлекать ихъ. Иванъ не слыхалъ всего, что она шептала имъ потихоньку на ухо, но кое-что все же услышалъ изъ ея шопота: „Не плачь... Я кашки сварю... Ну, ну, перестань... Я тебѣ куколку надѣлаю и „котика“ спою...“

И бѣдная дѣвочка, сама едва сдерживая слезы, запѣла „котика“ — ту самую пѣсню, которую такъ недавно пѣла надъ нею мама, дорогая мама, которая лежитъ теперь въ холодной, снѣгомъ заметенной ямѣ... Какъ ее когда-то баюкала мама этою пѣсенкой, такъ и она развлекала теперь ею маленькихъ своихъ братца и сестрицу.

Сначала дѣти мало ее слушали, но потомъ стали плакать тише, а дальше и совсѣмъ замолкли и только время отъ времени всхлипывали. И уже тогда, когда стихли всхлипыванія и Галя утерла обоимъ слезы, Василько проговорилъ:

— Я хочу вставать! вставать хочу!

Галя начала одѣвать его, обувать ему сапоги. Непривыкшія къ этому ручки ея все ошибались и не такъ дѣлали, какъ нужно. Нахлопотавшись съ Василькомъ, Галя завозилась съ Одаркой. Теперь дѣло было легче, и скоро она уже умывала обоихъ дѣтей. Василько сначала началъ было упираться,

говоря, что онъ не хочетъ умываться, потому что холодно, и надобно было долго уговаривать его, пока онъ согласился на умыванье и на чесанье, чего онъ тоже не любилъ за то, что тогда волосы выдергиваются. Но помаленьку Галя преодолѣла всѣ эти трудности, съ такимъ терпѣніемъ, какъ истинная будущая мать.

— Тятя, я ѣсть хочу! — тихонько промолвила Одарка, хватая отца за рукавъ.

— И я хочу завтракать, — заголосилъ съ своей стороны Василько.

Горемычный отецъ полѣзъ на полку за хлѣбомъ.

— Я не хочу хлѣба, я кулеша хочу! — не соглашался мальчикъ.

— Сынокъ, нѣту кулеша, подожди немножко, я сварю.

— Я не хочу ждать, я сейчасъ хочу!

И снова слезы. Старикъ не зналъ, что и дѣлать. Тутъ снова пришлось Галѣ успокоивать дѣтей. Про кулешикъ ли она имъ шептала или про иное что, только они послѣ этого стали понемногу затихать. Изрѣдка только слышны были Васильковы возгласы:

— А я такъ не хочу! Я хочу вотъ какъ!

Но скоро и онъ замолкъ. Дѣти начали грызть хлѣбъ. Василько, насупившись, ухватилъ руками краюху и со всей силы кусалъ ее своими бѣлыми зубами. Онъ не пересталъ еще надувать губы и, очевидно, намѣревался еще о чемъ-то заголосить. Кромѣ того, въ хатѣ было такъ холодно, что у дѣтей посинѣли руки.

— Я смерзь! — заплакалъ мальчикъ.

Галя кинулась опрометью, достала свитку и одѣла ею брата и сестру.

— И соли нѣтъ!.. — продолжалъ потомъ Василько, показывая Галѣ свой хлѣбъ.

— И мнѣ соли! — попросила Одарка.

Галя густо посолила дѣтямъ хлѣбъ крупною сырою солью.

Теперь не было пока больше о чемъ голосить, и дѣти на нѣкоторое время совсѣмъ успокоились и молчали.

А Иванъ въ это время думалъ о томъ, какъ-то онъ будетъ справляться. Дѣти голодны, надобно имъ сварить чего-нибудь.

И онъ вышелъ изъ хаты, нарубилъ и принесъ дровъ; потомъ началъ растоплять печь. Чего же сварить? Сталъ онъ искать чего-нибудь, — едва нашелъ немного пшена.

„Хоть кулешъ сварю“, — подумалъ онъ.

И онъ сталъ мыть пшено и, вымывъ, высыпалъ его въ горшокъ.

„Э, дурень я! Зачѣмъ же я высыпалъ? Надобно сначала вѣдь воду нагрѣть“.

И онъ высыпалъ пшено изъ горшка. Потомъ... Но тутъ двѣ маленькія ручки внезапно обхватили ему шею; добрые каріе глазки, немножко заплаканные, глянули ему въ глаза.

— Тятя, оставьте, я сдѣлаю... я знаю...

Иванъ взглянулъ съ удивленіемъ на Галю.

— Будетъ, тятя, не троньте, я сама управлюсь, — сказала она.

— Куда тебѣ, дочка, ты еще мала, — отговаривался отецъ.

— Я хоть мала, а я знаю... Я еще подучусь теперь какъ-нибудь... мамы вѣдь нѣтъ же...

Двѣ слезы снова заблестѣли на глазахъ у дѣвочки.

Иванъ молча отошелъ отъ печки и сѣлъ возлѣ стола. Одарка и Василь сидѣли въ уголку на полу и молча дивились то на отца, то на Галю.

А она тѣмъ временемъ не сидѣла сложа руки. Она перемывала горшки, поналивала, какіе нужно было, и стала становить въ печь. Одинъ горшокъ тяжелъ былъ для нея, она позвала отца:

— Тятя, пособиате!

Иванъ поспѣшно вскочилъ и поставилъ горшокъ въ печь.

Потомъ маленькая хозяйка нашла гдѣ-то капуста, сала и весь хозяйственный припасъ и начала управляться какъ настоящая хозяйка. Маленькія ручки сперва не совсѣмъ слушались ея, а потомъ, ничего, привыкли.

Иванъ долго молча смотрѣлъ на нее.

— Хозяйкой будетъ!.. — горько усмѣхнувшись, промолвилъ онъ и пошелъ изъ хаты.

А дѣти, тоже удивляясь, глядѣли на свою маленькую сестру. Еще позавчера она съ ними играла въ куклы, а теперь вонъ уже какъ хлопочетъ. И одѣваетъ ихъ, и кормитъ, и варитъ, — ну, совсѣмъ какъ мама.

— Галя, кожухъ съѣхалъ, — сказалъ Василь.

Галя оставила печь и побѣжала одѣвать его. Онъ уцѣпился ей за шею.

— Галя, ты мнѣ кулешику сваришь? — спрашивалъ мальчикъ, заглядывая ей въ глаза.

— Сварю, сварю, — сказала она, глядя его по головѣ.

— Ты меня вотъ такъ, какъ мама, погладь! — сказалъ Василько, направляя ея руку.

И она гладила его, а у самой блестяли на глазахъ слезы.

Маленькая Одарка тоже дергала ее за руку и жаловалась:

— Хлѣбъ твердый! я губу себѣ исцарапала, болитъ.

И она подставляла свою голову подъ сестрину руку. И сестрина рука гладила тогда обоихъ.

— А скоро кулешика дашь? Мнѣ кулеша очень хочется, — говорилъ голодный мальчикъ.

— Подождите, подождите, сейчасъ вѣдь! — отвѣчала Галя и снова бросалась къ печкѣ, но не надолго, потому что ежеминутно то братъ, то сестра приставали, что имъ или надо носъ утереть, или почесать, потому что что-то кусаетъ, или еще чего другого.

И Галя утирала носъ, чесала тамъ, гдѣ чесалось, или еще чѣмъ-нибудь удовлетворяла дѣтей.

Грустно тянется день.

Отецъ то войдетъ въ хату, то снова выйдетъ, — видно, что не находитъ себѣ дѣла. Онъ ничего не

говорить, потому что все, о чемъ ни заговорить, напоминаетъ и ему и дѣтямъ дорогую утрату. Только иногда скажетъ онъ имъ что-нибудь, когда они у него о чемъ-нибудь спросятъ, или молча приласкаетъ ихъ.

Дѣти тоже грустныя, невеселыя; имъ не играетъ. Одарка вытщила было черепокъ со своими куклами и начала разсаживать ихъ на лавкѣ. Она хотѣла играть такъ, какъ и раньше: будто бы мать пустила дѣтей въ лѣсъ по ягоды; тамъ на нихъ нападаетъ волкъ, и дѣти убѣгаютъ. Она ужъ начала говорить (будто дѣти это говорятъ): „Мама, пустите насъ...“

Но это слово „мама“ снова напомнило ей забытое на минуту тяжкое горе, и она громко заплакала, кинула куклы и залѣзла въ уголь.

Галя же управлялась: она накормила дѣтей завтракомъ, потомъ обѣдомъ. Отецъ не ѣлъ ничего.

Послѣ обѣда Василько подошелъ къ отцу, который сидѣлъ на лавкѣ и молча думалъ свои невеселыя думы.

— Тятя! — началъ онъ, удѣпившись за отцовъ рукавъ. — Тятя!

Его личико сдѣлалось внезапно очень серьезнымъ, совсѣмъ не дѣтскимъ.

— Что, сынокъ?

— Тятя, намъ теперь Галя мамой будетъ? — говорилъ мальчикъ, показывая на сестру.

— Ну, ну... да... — шепталъ отецъ, едва удерживаясь, чтобы не заплакать.

— Она какъ мама, — снова рассказывалъ мальчикъ: — она кулешика наварила, она одѣла меня...

— Такъ, сынокъ, такъ, она тебѣ все сдѣлаетъ, а ты не плачь, играй, — все тебѣ будетъ!..

Вотъ и поужинали. Грустно поужинали — первый ужинъ безъ матери. Отецъ легъ на печи, дѣти тоже стали ложиться.

— Галя, разуй меня! — просилъ Василько, сидя на полу и протягивая сестрѣ обутую ногу.

— Сейчасъ, Василько, сейчасъ!

— Галечка, а мнѣ юбку скинь, а то затянулась узломъ, такъ что не развяжу! — отывалась Одарка.

И Галя, не сумѣвъ развязать руками, стала зубами развязывать затянутый узелъ.

Вскорѣ постлались и пораздѣвались; Галя уложила и покрыла дѣтей.

— А мы, Галюся, не хотимъ спать; расскажи намъ сказочку! — просили они.

— Про трехъ сестеръ да про калиновую сопилку, — добавила Одарка.

И Галя, примостившись подлѣ нихъ на полу, начала рассказывать сказку:

— Жили-были старикъ со старухой, и были у нихъ три дочки, и самую маленькую звали Галей...

— Галей? Какъ тебя? — перебилъ ее братъ.

— Ну, да, какъ меня... Вотъ и пошли онѣ разъ лѣтомъ по ягоды. Другія сестры рвутъ да ѣдятъ, а Галя рветъ да въ горшокъ кладетъ и говоритъ: „Понесу домой тятѣ да мамкѣ...“

— Точно какъ ты, — снова сказалъ мальчикъ: —

и ты также всегда нарвешь ягодъ и намъ прине-
а ягоды такія сладкія!

Ну, дыцъ же, не перебивай!.. Такъ тѣ се-
стры и говорятъ: „Какъ мы домой вернемся? у
нея сколько ягодъ, а у насъ ничего нѣтъ. Давайте
убьемъ ее, а ягоды заберемъ...“

Такъ рассказывала Галя, а дѣти все слушали.
Маленькая Одарка немного приподнялась и, опер-
шись щечкой на руку, глядѣла томными глазами
на сестру, а Василько притихъ и, не сводя глазъ
съ сестры, жадно слушалъ ее, потому что сказка
была такая чудесная.

Вотъ ужъ и убили Галю — бѣдная она! — и въ землю
закопали. И на могилѣ калина выросла. И пастухъ
вырѣзалъ изъ калины сопѣлку, и она заиграла:

Ой, помалу, помалу, пастушокъ играй,
Ты сердечка моего въ конецъ не добивай!
Меня сестры зарубили,
Подъ кустикомъ скоронили
Да ногами притоптали...

Слушаютъ дѣти, какъ поетъ Галя, а потомъ снова
точно журчатъ тихія слова сказки, такъ и льются
изъ чудеснаго дѣтскаго вымысла. Долго тянется сказ-
ка, а за нею другая. И понемногу слипаются глаза,
тихий сонъ обвѣваетъ дѣтей, и склоняется Одаркина
головка на подушку рядышкомъ съ братомъ, кото-
рый тоже уже заснулъ подъ Галину сказку.

Заснули дѣти; заснулъ, наконецъ, и старикъ-отецъ.
Не спитъ только Галя, эта маленькая худенькая
дѣвочка съ карими глазками, эта новая мать для
этихъ ребятъ. Она еще не молилась на ночь.

И становится дѣвочка на колѣнки и тихо шепчетъ молитвы, не понимая ихъ, путая слова. Но съ безпредѣльною вѣрою говоритъ она ихъ. Вотъ проговорила она „Отче нашъ“, „Богородицу“. Больше она не знаетъ ни одной молитвы. Теперь она ужъ просто такъ, сама отъ себя помолится.

Свѣтлолицый мѣсяцъ тихо плылъ по высокому небу. Онъ плылъ и оглядывалъ весь широкій свѣтъ и, оглядывая, заглянулъ и въ маленькую хату, гдѣ дѣвочка тихо шептала молитвы, стоя на колѣняхъ.

— Господи! возьми мою маму къ Себѣ изъ холодной ямы, пусть ей хорошо у Тебя будетъ. И дай мнѣ, Господи, чтобы я работать научилась, чтобы я стала замѣсто мамы братцу и сестрицѣ...

Глянулъ мѣсяцъ на дѣвочку и остановился на небѣ, точно очарованный, обливая дѣвочку цѣлымъ моремъ своего серебристаго сіянія.

Если видѣлъ онъ ее и слышалъ ее жаркую молитву, то отчего же онъ не отнесъ поскорѣе молитву ее къ Богу, чтобы Онъ осушилъ слезы на ее худенькомъ личикѣ, чтобы утѣшилъ Онъ ее бѣдное горюющее сердце...

А Галя все молилась. Наконецъ, положивъ три поклона, она встала, подошла къ брату и сестрѣ, укрыла имъ ноги полушубкомъ и сама легла подлѣ нихъ, накинувъ себѣ кафтанъ на плечи.

А мѣсяцъ долго стоялъ, словно очарованный, долго смотрѣлъ онъ въ окно, разливая небесный свѣтъ по хатѣ, пока какое-то облачко не набѣжало и не скрыло его.

II.

У К Р А Л А.

Какъ только учитель вошелъ въ классъ, то сейчасъ же замѣтилъ, что тамъ происходитъ что-то необычайное: ученики и ученицы роемъ осадили кого-то и про что-то горячо и громко толковали; голоса были неласковые, сердитые, сразу ничего нельзя было понять. Видно было только, что дѣти на кого-то сердятся, кого-то укоряютъ. Какъ только нѣкоторые изъ нихъ замѣтили учителя, слышалось шептаніе: „Василь Дмитричъ пришелъ... Учитель пришелъ“. Дѣти стихли и всѣ повернулись къ учителю. Онъ подошелъ и спросилъ:

— Что тутъ у васъ такое?

Всѣ молчали, стоя въ кучѣ около одной парты. На этой партѣ сидѣла Саша: она была ученица перваго года, дочь сельскаго писаря-пьяницы. Она сидѣла низко опустивши голову и вперивъ взглядъ свой въ столъ. Ея худенькое въ веснушкахъ лицо было блѣдно какъ полотно; она схватилась руками за столъ, словно боялась, что ее куда-то насильно потянуть.

Учитель еще разъ спросилъ:

— Что жъ у васъ тутъ такое?

Тутъ заговорила Фрося. Фрося была подруга и пріятельница Саша; отецъ ея былъ приказчикомъ въ экономіи. Она выглядѣла дѣвочкой здоровой, хорошо кормленой,—она всегда приносила изъ дому вкусную ѣду: пирожки, лепешки, коржи и всякую всячину. Училась она плохо, но была очень веселаго нрава и говорила не иначе какъ смѣясь. И теперь она, усмѣхаясь, сказала:

— Да вотъ Сашка...—и сейчасъ же фыринула и не договорила.

Учитель спросилъ:

— Ну, что жъ дальше?

— Украла у меня хлѣбъ, — договорила Фрося и совсѣмъ разсмѣялась, и ея маленькіе свѣтлые глазки отъ смѣха прищурились и совсѣмъ закрылись толстыми щеками.

Эта новость очень поразила и удивила учителя: подобныхъ случаевъ еще не бывало въ школѣ. Учитель зналъ, что нѣкоторыя изъ дѣтей еще дома, раньше поступленія въ школу, были кое-въ чемъ грѣшны, но въ школѣ пока еще ни съ кѣмъ этого не случалось. Но Сашу онъ никогда ни въ чемъ не подозрѣвалъ. Она казалась ему дѣвочкой боязливой, можетъ-быть, запуганной своимъ пьянымъ отцомъ.

Учитель взглянулъ на Сашу и спросилъ:

— Правда это?

Она молчала и сидѣла неподвижно, какъ каменная. Учитель понялъ, что Фрося сказала правду. Тутъ Фрося затараторила:

— Она не впервой крадетъ, она сколько разъ у меня таскала: только положишь сумку на мѣсто, она и тащитъ; да я все молчала, а вотъ уже сегодня вижу—ухватила хлѣбъ и побѣжала изъ школы на дворъ, да зашла за дерево и ѣсть тамъ. Я побѣжала къ ней, а она какъ испугается. „Не сказывай,— говоритъ,— учителю:—я тебѣ картинку принесу“.

Учитель опять спросилъ:

— Что же, Саша, правда это?

Но та все молчала и сидѣла неподвижно. Одинъ изъ старшихъ учениковъ, не очень-то умный и не больно жалостливый, заговорилъ грубо:

— Да что тамъ спрашивать? Развѣ и такъ не видать, что правда. Ишь что выдумала—красть! Выгнать ее изъ школы, да и все.

Ученики закричали:

— Да, да, выгнать!

Тогда учитель мягко сказалъ:

— Зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, что она крадетъ, а вы либо мы подумаемъ на кого-нибудь другого.

Другіе сказали:

— Этакъ ничего нельзя будетъ приносить въ школу, коли красть будутъ.

— А развѣ хорошо будетъ, какъ всѣ будутъ говорить на школьниковъ, что они крадутъ? — добавляли третьи.

Учитель сказалъ:

— Вотъ что, ребята, вы уже рѣшили выгнать Сашу изъ школы, а еще не знаете путемъ въ чемъ

дѣло. А можетъ-быть, оно и не такъ было. Прежде надо выслушать, что Саша скажетъ.

Большой школьникъ началъ было снова:

— Да что тамъ слушать, развѣ и такъ не видно!

Но его сейчасъ же прервали другіе:

— Молчи, Василій Дмитріевичъ правду говоритъ; все жъ таки надо знать, что она скажетъ.

Всѣ головы повернулись къ Сашѣ, всѣ взоры уставились на нее. Всѣ дожидались отъ нея слова, но она все продолжала сидѣть какъ окаменѣлая. Она какъ-то съежилась, такъ что голова у нея ушла въ плечи и прищурилась, будто она ожидала, что вотъ-вотъ ее ударятъ, хотя и знала, что въ школѣ никто драться не будетъ.

Учитель сказалъ опять:

— Ну, что же, Саша, скажи, мы ждемъ.

Молчить.

Учитель снова:

— Не думай, что мы хотимъ нападать на тебя: намъ надо только знать правду, можетъ-быть, еще и не такъ было, какъ они говорятъ; да я и въ самомъ дѣлѣ думаю, что это не такъ.

Блѣдное лицо у Саши сразу вспыхнуло, но она все-таки продолжала молчать. А учитель опять заговорилъ:

— Ну, да, я думаю, что это не такъ. Мнѣ кажется, что Фрося просто ошиблась, и что ты не виновата.

Сашина голова наклонилась къ самому столу.

— Навѣрное, ты свой хлѣбъ ѣла, потому что

я никому не повѣрю, что ты можешь украсть, — продолжалъ учитель.

Громкое и горькое рыданіе раздалось въ школѣ: Саша плакала, припавши головой къ столу.

Школьники сразу притихли. Они вытаращили глаза и молча, затаивъ дыханіе, глядѣли на плачущую дѣвочку. Учитель ласково сказалъ ей:

— Не плачь! Если это неправда...

— Правда, правда! — воскликнула вдругъ Саша. — Я украдала!

И она зарыдала еще сильнѣй.

Въ большой классной комнатѣ стояли молча шестьдесятъ человѣкъ не шевелясь, а среди нихъ, припавши головой къ столу, горько плакала маленькая бѣлокурая дѣвочка. Она долго плакала, и всѣ молчали, пока она не успокоилась немного. Тогда учитель, сѣвши около нея, спросилъ:

— Зачѣмъ же ты это сдѣлала?

Но она все молчала и снова понурилась. Учитель видѣлъ, что сказать причину, почему она это сдѣлала, ей было такъ же трудно, какъ и признаться; однако она пересилила себя, — видимо она хотѣла что-то сказать и шевелила губами, но не рѣшалась.

Наконецъ, проговорила:

— Ёсть хотѣла...

— Развѣ ты дома не ѣла?

— Нѣтъ, не ѣла.

— Почему?

Она снова замолчала и вдругъ неожиданно опять горько заплакала и севозь слезы сказала:

— У насъ... у насъ... нечего ѣсть... Отецъ ничего не приноситъ изъ волости... все пропиваетъ... Мы ѣдимъ... су... сухари уже другую недѣлю...

И больше она ничего не могла сказать.

Давно было время начинать урокъ. Учитель тихо взялъ Сашу за руку и, сказавъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, повелъ ее въ свою комнату, чтобы она тамъ успокоилась. Какъ только онъ вернулся въ классъ, съ десятокъ рукъ протянулось къ нему, и въ каждой рукѣ была какая-нибудь ѣда.

— Возьмите! дайте ей! пусть поѣстъ!

Учитель посмотрѣлъ на дѣтей. Мальчики были взволнованы, нѣкоторыя дѣвочки плакали. Онъ взялъ все, что дѣти надавали, и отнесъ Сашѣ. Но она ничего не хотѣла ѣсть и все плакала. Онъ, сколько могъ, утѣшилъ ее, а самъ пошелъ въ классъ и велѣлъ пѣть молитву предъ учениемъ. Какъ только запѣли молитву, онъ потихоньку ввелъ въ классъ Сашу.

Саша послѣ этого случая долго стыдилась смотреть въ глаза учителю. Но ни она ни школьники никогда не напоминали ей про то, что случилось. Да и не надо было напоминать. Она сама помнила свой грѣхъ, и съ тѣхъ поръ ничто больше не могло соблазнить ее. Дѣвочки-подруги ее любятъ и часто даютъ ей ѣсть то, что приносятъ изъ дому. И она изрѣдка беретъ (да и то только чтобы не обидѣть подругъ), хотя часто сидитъ на сухомъ хлѣбѣ. Въ этомъ году она выдержитъ послѣдній экзаменъ и выйдетъ изъ школы разумною и честною дѣвушкой.

III.

Г Р И Ц К О .

Грицко выбѣжалъ изъ хаты веселый, радостный. Батка его только-что вернулся съ ярмарки и привезъ ему два пряника и большой-пребольшой бубликъ. Такой большой да толстый, что, пожалуй, онъ былъ больше Грицковой головы, а можетъ-быть, это только такъ Грицку казалось: хлопецъ таки не часто ѣлъ бублики, да и то все маленькіе. Къ тому же еще былъ постъ, — Петровки, — ѣда была несытная: хлѣбъ да пустой борщъ, изрѣдка пшенная каша, а тутъ вдругъ бубликъ — такой огромный!

Грицко уже разинулъ ротъ и собирался запустить въ бубликъ свои бѣлые зубы, да вдругъ удержался: ему хотѣлось подольше протянуть свое наслажденіе; онъ началъ крутить бубликъ въ рукахъ, нюхать его, и вдругъ придумалъ, что будетъ еще вкуснѣе закусывать бубликъ вишнями. „Пойду въ садъ, нарву ягодъ“, — подумалъ Грицко и тотчасъ же перепрыгнулъ черезъ плетень со двора въ садъ.

Садикъ былъ небольшой, но густой. Неширокой

полосою онъ тянулся до самой рѣчки и кончался прямо надъ обрывомъ. Тутъ росли яблоки, сливы, вишни, — вишенъ больше всего. Вѣтки такъ и гнулись подъ спѣлыми темнокрасными ягодами. Грицко подскочилъ къ вишнѣ и только-что хотѣлъ сорвать ягоду, какъ вдругъ остановился: подъ вишнею стоялъ небольшой, лѣтъ десяти, мальчикъ, ровесникъ Грицка, но низенькій и приземистый. Это былъ Сеня, сынъ сосѣдки Матрены.

Матрена была вдова и жила рядомъ съ семьей Грицка; ихъ сады были смежные. Но хотя Грицко и Сеня были сосѣди, они все что-то не ладили. Грицко былъ разговорчивый, веселый, любилъ пошутиться; Сеня же былъ молчаливый и пасмурный. Грицко часто удивлялся тому, что и Сеня и его мать такіе скучные, и какъ-то разъ спросилъ про это свою мать. Матери его часто доводилось ссориться съ Матреной то за свиней, то за куръ, и потому она рѣзко отвѣтила:

— Оттого и скучные, что злы.

Но отецъ прервалъ ее и сказалъ, что кабы они не были такъ бѣдны, то, можетъ-быть, и не были и такіе злы.

— Какъ такъ?—спросилъ Грицко.

— Да такъ, — говорятъ отецъ: — когда изо дня въ день бьешься какъ рыба объ ледъ, зарабатывая, а все впроголодь живешь, такъ не изъ чего быть веселыми.

Для Грицка это было не совсѣмъ понятно; ему казалось, что ужъ если добрый, такъ всегда доб-

рый будетъ, а ужъ если злой, такъ всегда злой. Его же отецъ былъ человекъ зажиточный, и оттого Грицко настоящей нужды не зналъ; поэтому онъ скорѣй согласенъ былъ съ матерью и сказалъ самъ себѣ: „Нѣтъ, они просто злые“.

И онъ не дружился съ Семеномъ, и тотъ его за что-то не влюбилъ, и они никогда не играли вмѣстѣ.

Какъ увидалъ Грицко, что Семень ѣстъ ягоды, то остановился и подумалъ: „Зачѣмъ онъ тутъ ягоды рветъ? Вѣдь у нихъ же есть свой садъ“.

Семень услыхалъ тоже, что кто-то идетъ, оглянулся и, увидавъ Грицка, сильно покраснѣлъ, а потомъ сразу поблѣднѣлъ. Ребятишки глядѣли одинъ на другого и молчали. Наконецъ Семень поднялъ голову и взглянулъ на Грицка сердито и дерзко.

— Ну, чего ты? — промолвилъ Семень рѣшительно. — Можетъ, побить меня хочешь за то, что я у васъ ягоды рву?

Грицко подумалъ: „Ишь какой злой!“ и сказалъ: — Не хочу я съ тобой драться, а только зачѣмъ ты полѣзъ за чужими вишнями? Развѣ у тебя своихъ нѣтъ? Вѣдь и у васъ ихъ такъ же много, какъ и у насъ.

Семень глянулъ въ свой садъ и проговорилъ:

— Много? Не очень-то и много, да и мать не позволяетъ, говоритъ: „Продамъ, такъ хоть на са-рафанъ себѣ наберу да тебѣ сапоги отдамъ запла-тать, а то, говоритъ, мы такіе оборванные ходимъ, что людей стыдно“.

Проговоривъ это, мальчикъ вдругъ замолчалъ и опять покраснѣлъ: ему стало совѣстно, что онъ разболталъ слова матери, и онъ разсердился и на себя, что сказалъ это, и на Грицка за то, что тотъ слышалъ это. Онъ снова дерзко поднялъ голову и проговорилъ:

— И сколько я тамъ твоихъ вишенъ съѣлъ? Не придирайся очень, не больно боюсь, а то еще такого тумака дамъ, что ажно носомъ землю зароешь.

Грицко тоже разсердился.

— Кто? Ты?—говорить.

— Я!

И Грицко приготовился къ дракѣ.

— А ну, поглядимъ.

— Вотъ и поглядимъ!

И Семень тоже стиснулъ кулаки; но лишь только Грицко шагнулъ къ нему, онъ отступилъ къ забору и закричалъ:

— Не тронь!

Онъ крикнулъ такъ громко, что его мать, которая была въ саду, услышала его голосъ. Въ одинъ мигъ она очутилась около плетня, лицо у нея было блѣдное, замученное, а теперь такъ даже потемнѣло отъ гнѣва. Она горячо любила своего сына и никому не позволяла его обижать.

— Ты за что напалъ на Семена? — крикнула она Грицку.

— Я не нападаю, — отвѣчалъ Грицко, — а его не трогалъ. А только зачѣмъ онъ лѣзетъ въ нашъ садъ?

Семенова мать еще больше разсердилась, и ее впавшие глаза такъ и заблестѣли.

— Небось, — крикнула она, — уже и драться собрался? Вотъ только попробуй, такъ я тебѣ всѣ волосы повырву!

Въ то время уже Семень поспѣшно перелѣзъ черезъ заборъ и, стоя около матери, пробурчалъ: — Онъ меня чуть не ударилъ...

— Я тебѣ дамъ драться, я тебѣ дамъ! — кричала Семенова мать, показывая кулакъ. — Ступай прочь, а то попомнишь меня.

Грицко хотѣлъ было что-то отвѣтить, да раздумалъ. Онъ повернулся и пошелъ. Онъ не любилъ ссоры и никогда не былъ драчуномъ. Онъ молча залѣзъ въ вишни и уже не слушалъ, что тамъ все еще выкрикивала Семенова мать. Онъ нарвалъ вишень полный картузъ и собирался съѣсть, но потомъ опять раздумалъ.

„Пойду лучше къ рѣчкѣ да сяду тамъ надъ кручею, тамъ и ѣсть буду... и ѣсть буду и глядѣть буду, какъ вода бѣжитъ... А потомъ выкупаюсь... Только одному скучно купаться; вотъ кабы еще кто-нибудь подошелъ... Сеньку звать не хочется, да онъ и плавать-то не умѣетъ, а ужъ это что за купанье безъ плаванья! Вотъ люблю плыть наперегонки либо нырять — кто дальше вынырнетъ...“

Размышляя такъ, Грицко подошелъ къ рѣчкѣ. Обрывъ сажени въ двѣ сразу круто падалъ въ воду. Здѣсь, съ краю обрыва, смѣлые ребята, купаясь, бывало, прыгали въ воду и потомъ далеко-далеко

выплывали изъ воды. Тутъ оттого было ловко прыгать, что было глубоко: никто изъ ребятншекъ не могъ достать дна, только взрослые парни доставали. Однако и маленькіе, умѣвшіе плавать, не боялись кидаться въ глубину: вода легко выносила ихъ наверхъ какъ соломинку.

Грицко остановился надъ кручей. Въ одной рукѣ у него былъ бубликъ, въ другой—картузь съ вишнями. Онъ заглядѣлся на волны, какъ онѣ быстро бѣжали одна за другой, блистая на солнцѣ. Полюбовавшись немного, онъ наконецъ поднесъ бубликъ къ губамъ, откусилъ и началъ медленно жевать, все не сводя глазъ съ рѣки.

А Семень все это видѣлъ. Онъ стоялъ около матери въ своемъ саду и видѣлъ, какъ Грицко ѣлъ бубликъ. Семень былъ голоденъ, и ему страшно захотѣлось бублика; однако попросить у Грицка онъ никогда не рѣшился бы, въ особенности теперь, послѣ ссоры, и онъ только съ завистью глядѣлъ, какъ Грицко откусывалъ и жевалъ. Вдругъ одна мысль внезапно пришла ему на умъ:

„А что, какъ бы вайти потихоньку сзади да вырвать бубликъ у Грицка“.

И онъ, не думая долго, потихоньку вышелъ изъ сада и началъ подкрадываться къ Грицку. Отъ сада до рѣчки было небольшое пустое пространство. Семень и боялся, чтобы Грицко его не подмѣтилъ, но Грицко ничего не замѣчалъ. Въ это время Семенова мать обернулась... глядь, а сына нѣтъ. Она посмотрѣла въ сторону рѣки и увидала, какъ Се-

мень исподтишка подходилъ къ Грицку. Она сначала хотѣла окликнуть его, но потомъ подумала:

„А ну, погляжу, что будетъ; пускай-ка Семень дастъ ему хорошаго тумака“.

Но тутъ же она замѣтила, что ея сынъ не затѣмъ шелъ, чтобъ драться: онъ тихо подошелъ сзади Грицка и вдругъ кинулся и хотѣлъ вырвать бубликъ, однако онъ неловко прицѣвился и вмѣстѣ съ бубликомъ ухватилъ Грицка за палецъ. Въ ту же минуту Грицко вырвалъ у него руку; но Семена такъ раздосадовала эта неудача, что онъ, ужъ не помня себя, со всей силы ударилъ Грицка кулакомъ по лицу, но съ размаху самъ пошатнулся и, не удержавшись, поскользнулся и покатился подъ кручу. Онъ ухватился было за бурьянъ, но трава вырвалась съ корнемъ, и Семень бултыхнулся въ воду.

Въ ту же минуту страшный крикъ раздался позади Грицка. То была мать Семена; она бѣжала въ рѣчкѣ и кричала неистово, какъ помѣшанная:
— Ай! ай!.. Спасите, помогите!..

Въ это время Семень вынырнулъ изъ воды; онъ выбивался изъ силъ, чтобы держаться на поверхности воды, но не могъ: онъ не умѣлъ плавать. Мать его добѣжала до берега, но пособить не могла; она только рвала на себѣ волосы и кричала:

— Ой, бѣда моя, тонетъ! ой, сынъ мой... спасите!

Все случилось такъ быстро, что Грицко сначала ничего не разобралъ. Онъ помнитъ только, какъ Семень его ударилъ, и что ему было очень больно.

Обида закипѣла у него въ сердцѣ, но въ ту же минуту онъ увидалъ, что Семень упалъ въ воду. Грицко чуть-чуть не крикнулъ ему: „А что? Вотъ тебѣ за то, чтобъ не дрался“, но въ ту же минуту онъ разслышалъ отчаянный крикъ матери и вдругъ все понялъ. И бубликъ и шапка съ вишнями покатились на землю, а самъ Грицко, какъ былъ въ одеждѣ, кинулся съ крутого берега въ воду. Онъ сейчасъ же вынырнулъ и поплылъ къ Семену, который еще держался на водѣ. Семень былъ недалеко, и Грицко доплылъ до него скоро; но какъ только онъ доплылъ, Семень сразу такъ уцѣпился ему за руку, что чуть-чуть не утопилъ и его.

— Не тащи меня, только держись за меня, — крикнулъ ему Грицко.

Но Семень съ испугу совсѣмъ одурѣлъ и не выпускалъ руки товарища. Грицко съ трудомъ вырвалъ у него руку. Тогда Семень уцѣпился ему за рубашку, и они поплыли; одежда на обоихъ ребятахъ вся намокла, и Грицко едва плылъ. Теченіемъ относило его отъ берега, нѣсколько разъ вода заливала ему ротъ. Онъ чувствовалъ, что силы его покидаютъ, а тутъ еще Семень страшно тянулъ.

Грицко почувствовалъ, что ногами ужъ онъ не можетъ больше двигать, и онъ сталъ опускаться все ниже и ниже. Семень былъ тяжелъ какъ камень. Грицко зажалъ зубы: вода доходила ему уже до глазъ. Но въ ту же минуту онъ собралъ остатокъ силъ и неистово забарахталъ руками и ногами. Это его спасло. Черезъ нѣсколько секундъ ужъ

онъ ухватился за камень, который торчалъ подъ кручей.

Что было дальше — Грицко не помнилъ. Онъ потерялъ сознаніе и не слышалъ, какъ сбѣжались люди на крикъ Матрены и какъ вытянули его и Семена. Онъ очнулся только тогда, когда уже лежалъ на травѣ, на солнцѣ. Онъ раскрылъ глаза и увидалъ, что около него стоитъ отецъ и много народу.

— Слава Тебѣ, Господи! — проговорилъ отецъ и за нимъ всѣ.

— Ну, молодецъ, славный изъ тебя парень выйдетъ! — воскликнулъ дядька Тарасъ.

Только когда онъ это сказалъ, Грицко вдругъ вспомнилъ, что случилось: онъ догадался, что спасъ Семена. Отъ волненія онъ покраснѣлъ и опустилъ голову. Въ ту же минуту Семенова мать подбѣжала къ нему и, обхвативши его рукой, прижала къ себѣ и три раза крѣпко поцѣловала, прошептавъ:

— Дай тебѣ Боже всего, всего... за то, что ты...

Она рыдала, а за ней заплакалъ мокрый завябшій Семень, сидѣвшій тутъ же на травѣ.

Въ тотъ же день Грицко, вспомнивъ про то, какъ поцѣловала его Семенова мать, подумалъ про себя:

„Нѣтъ, она не злая; должно-быть, правду батъка сказалъ, что она оттого такая сердитая, что у нихъ нужда большая, и Семень тоже такой, потому что все голодный. И чего это я, дурень, не отдалъ ему своего бублика?“

И тутъ онъ вспомнилъ, что онъ до сихъ поръ не съѣлъ еще этого бублика...

Не знаю ужъ, подѣлился онъ съ Семеномъ бубликомъ или нѣтъ, только ужъ навѣрное знаю, что съ того времени у нихъ съ Семеномъ ни ссоръ ни дракъ никогда не было.

О Т Д А В Е Н І Е

К О Н Е Ц Ъ .

I. Георгия Гала. Съ украинскаго перевода Е.
Горбунова-Посадова..... 8
II. Урала. Съ украинскаго перевода А. Р.—ва... 18
III. Гринко. То же..... 22

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Сестрица Галя. Съ украинскаго перевелъ И. Горбуновъ-Посадовъ.....	3
II. Украла. Съ украинскаго перевела А. Ч—ва...	16
III. Грицко. То же.....	22

94

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Москвы и С.-Петербурга.

